на добычю, понеже по морю идут многие корабли купецкие". И тогда атаман крикнул громким гласом: „молодцы удалые, во фрунт!". То вси разбойники оружие побраша и во фрунт вступиша, а российской матроз Василей не вступя, стояше особливо без оружия. Тогда вси разбойники атаману глаголаше: „Господине атаман, что сей наш новоприемной удалой молодец с нами не во фрунт?". Тогда атаман велел оружие ему выдать и во фрунт вступить. И он, российской матроз, рече: „Господин атаман молодец, прошю, пожалуй меня, одного уволь, понеже я в артели не обыкл разбивать, токмо добычю един навыкл добывать". Тогда атаман и вси разбойники дали ему на волю, понеже он того желал, чтоб с ними в разбойнической артели не быть, опа-
л. 6 саясь || того, егда б смертное убивство ему не учинить и пред богом грех смертельный не понести, их не раздразнить, что тому не искусен быти, обыкности разбойнической, кроме матросской. И егда в кругу во фрунте разбойники вси стоят, тогда атаман около всех три раза обошел вокруг, шепташе губами заговор, и потом отпускаше на добычю, а российский матрос един пошел своею дорогою на промысел, не на такой, чтоб разбивать, но себе искать путь, как бы от них без всякого греха и во здравии уйтить. И пришел к брегу морскому и смотряше на море и никого не видеше, ктоб ево из острову вывез. И нача о том горко рыдати. С плачем и от печали великия леже под кустом и уснул крепко, яко ему спати до самого вечера, и проснулся от сна и виде, что вечер, и мысляше, как им, разбойникам, появится не с чим, что добычи никакой не получил, а от них не ушол, и вынул из своего пращя, что в бытность на корабле зашил 300 червоных, и от тех 100 червоных вынел и пошол к ним, и пришед, положил пред атаманом и рече: „Господине атаману, что только добычи". И они
л. 6 об. подивишася ево добычи, которую || приняли, и ево благодарили. И на утро також эсаул прибежал осмотря и возвестил атаману, что по морю идут корабли, то атаман всем повеле вступить во фрунт со оружием и обошел трижды, отпустил на добычю, а российский матроз един по их изволению пошел. И прииде на то же место, где был прошедшего дня, и смотрел, кто бы ево вывез. Токмо нашел великого зверя пардуса, от которого насилу ушол. И бысть своего разбойнического двора в густых кустах, лег отдыхать, так же до вечера проспал, и вечеру прииде и последние свои ис плащя вынул 200 златых червонных, которые принесе пред атамана и положи, что будто добыл на разбое. И тому вси дивишась, яко на промысле щастлив. И потом разбойники, все вкупе собрашася, между собою начаша думати об нем и в разговорах своих говорили тако: „Сем мы, братъцы молодцы, сего новаго пришедшаго к нам поставим себе ево атаманом, понеже можно признать, что он человек умной и к добыче счастлив. Також, повидимому, знать можно, что и не прост собою, которой может всю атаманскую
л. 7 должность снесть || и все отправить. А что ныне у нас атаман неискусен, за то ево переменим". И вси разбойники единодушно о том тщание восприяша и желание единое. И по тех разговорах вси к нему, российскому матросу, приступиша, и начаша единогласно ево просить, чтоб он был у них атаманом. И оной российской матроз нача им говорить: „Удалые молодцы, пожалуйте, оставте меня, понеже оной должности мне не снесть, и тому я неискусен быти атаманом, понеже я и большаго в себе разума против людей умных не имею и вашей должности не исправлю за оскудением ума моего". И те разбойники, яко звери лютые, на него зинуша: „Мы тебя в честь хочем произвесть, а ты нам не послушен, и сими отговорки не отговоритца. Хотя какия